

The illustration depicts a fantasy-themed scene. On the left, an elf with long, flowing white hair and pointed ears is dressed in a green vest with intricate gold embroidery over a white long-sleeved shirt and black trousers. He has a gentle expression and is holding the hand of a young woman. The woman, on the right, has dark brown hair and a somber, weary look. She is wearing a plain white t-shirt and blue jeans with visible rips. In her left hand, she carries a large, brown leather suitcase. The background is a lush, sunlit garden with a stone path, a multi-tiered fountain, and a gothic-style building in the distance. The scene is filled with vibrant flowers, including purple wisteria and pink roses. In the upper right corner, there is a circular inset showing a cocktail glass with an orange drink and a lime wedge, perched on a blue handgun. A small black circle with the text '18+' is located in the upper left corner.

18+

Влада Ночь
ЭЛИЗИУМ
Отпуск не по Госту

Влада Ночь

Элизиум. Отпуск не по ГОСТу

<https://litres.ru/74542897>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Элизиуме не бывает плохой погоды, не вовремя развязавшихся шнурков и разбитых сердец. Здесь всё — от живых домов до высокомерных эльфов — стерильно, правильно и смертельно скучно. Пока в этот рай по «горящей путевке» не влетает Марина.

Её жизнь — это вечная полоса препятствий, а её аура невезения — вирус, способный взломать код совершенства.

Утопия затрещит по швам, а один идеальный эльф поймет, что настоящая жизнь начинается там, где кончаются правила.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Влада Ночь Элизиум. Отпуск не по ГОСТу

Глава 1

Последний шанс

Моё невезение никогда не было эффектным и не походило на гром среди ясного неба или на эпическое проклятие, достойное древнегреческих трагедий. Это была мелкая, изматывающая бытовая пыль, которая забивалась в щели каждого прожитого мной дня.

Если в кофейне оставался один-единственный эклер, он обязательно оказывался с прокисшим кремом именно в моей коробке.

Если я решалась надеть новые туфли, небо, до этого сиявшее безупречной лазурью, немедленно затягивалось свинцовыми тучами, чтобы выплеснуть на меня всю накопленную ярость сточных канав.

В то утро я стояла на углу Пятой и Садовой, глядя, как мой автобус, обдав меня на прощание облаком сизого ди-

зельного дыма, медленно растворяется в мареве мегаполиса.

В сумочке звякнула мелочь — последние сбережения, которые я упрямо называла фондом спасения, хотя спасти уже было практически нечего.

— Ну, конечно, — прошептала, чувствуя, как по спине медленно сползает холодная капля дождя.

Мой зонт, разумеется, остался дома, сиротливо висеть на крючке в прихожей.

Я шла по улице, не разбирая дороги и утопая в липком чувстве собственной ненужности этому городу. Суета вокруг казалась затянувшейся кинохроникой, где все роли давно распределены, а я — лишь случайная тень на заднем плане, которую забыли вырезать при монтаже.

Вывеска «Утопия» возникла передо мной внезапно, словно вынырнула из густого тумана. Она не мигала неонами, не кричала о скидках. Глубокий, бархатный цвет индиго и золотое тиснение букв обещали не просто отдых, а самый настоящий покой, который ищешь в детстве, зарываясь лицом в свежевystиранные простыни.

На витрине не было фотографий дешевых отелей или загорелых моделей. Только бесконечный горизонт и одна-единственная фраза: «Мир, который вы заслужили».

Колокольчик над дверью тонко и чисто звякнул, отсекая шум улицы, словно тяжелая портьера. Внутри пахло старой бумагой, дорогим табаком и почему-то горной свежестью. Побывать на горном курорте мне, конечно, не доводилось,

но почему-то казалось, что там должно пахнуть именно так.

За массивным столом из темного дерева сидел человек, чья внешность ускользала из памяти, стоило только моргнуть. Его пронзительно-серые глаза казались зеркалами, в которых отражалась вся моя усталость.

— Марина, — произнес он, и это был не вопрос, а утверждение неоспоримого факта. — Вы долго шли к нам.

Я опустилась в кожаное кресло, чувствуя, как оно обнимает мои уставшие плечи. Ирония, мой верный щит, на секунду дала осечку.

— Надеюсь, мой путь закончится не в отделе кредитования, — выдавила я, пытаюсь вернуть себе привычный скептический тон. — У меня при себе сумма, на которую в приличном обществе можно купить разве что надежду. И то — подержанную.

Человек улыбнулся — мягко, едва заметно, одними уголками губ.

— В нашем агентстве цена — понятие субъективное. Мы берем не за мили, а за готовность оставить всё позади. Ваше везение... — он сделал паузу, словно подбирая слово, — оно здесь не работает. Там, куда вы отправитесь, нет места статистическим ошибкам. Там царит абсолютная гармония.

Он пододвинул ко мне лист бумаги. Текстура была странной: плотная, чуть теплая, с прожилками, похожими на капилляры живого листа.

Я взяла ручку — тяжелую, золотую — и занесла её над

пустой строкой. Конечно, она потекла. Жирная синяя клякса расцвела на безупречной поверхности, как чернильная роза.

Я замерла, ожидая, что менеджер поморщится или достанет корректор, но он лишь подался вперед, и в его глазах вспыхнул странный, почти восторженный интерес.

— Знак Хаоса, — прошептал он. — Идеально. Просто идеально! Проходите в ту дверь, Марина. Ваш трансфер уже готов.

Я встала, чувствуя странную легкость в коленях. Страх перемешивался с любопытством, создавая в животе щекочущий коктейль.

Подойдя к высокой дубовой двери в конце офиса, я на секунду обернулась. Менеджер всё так же смотрел на кляксу на листе, и в его взгляде было нечто такое, что заставило мои волосы на затылке зашевелиться.

Станный он какой-то...

Я толкнула дверь, ожидая увидеть коридор или очередную комнату с кондиционером, но вместо этого шагнула в пустоту.

Первым исчез звук. Гул города, шелест шин, мое собственное дыхание — всё провалилось в вакуум. Затем исчез пол. Я падала, но это не был полет вниз, в бездну. Это было ощущение, будто мое тело стало невесомым, и его медленно просеивают сквозь сито.

А потом мир взорвался красками.

Я приземлилась на что-то мягкое и пружинистое. Воздух

вокруг был настолько чистым, что от первого же вдоха закружилась голова.

Я открыла глаза и зажмурилась: небо надо мной было пронзительно-бирюзовым, без единого облачка, а трава под моими ладонями — изумрудной и такой сочной, что казалась нарисованной.

— Надеюсь, это не галлюцинация от голода, — пробормотала я, пытаюсь сесть. — Потому что если это рай, то где мои тапочки?

— В Элизиуме не принято носить обувь с такой... агрессивной подошвой, Странница.

Голос был глубоким, бархатистым и таким ровным, что напоминал звук виолончели. Я резко обернулась и чуть не поперхнулась собственной слюной.

В нескольких шагах от меня стоял... эльф! Высокий, пугающе красивый, в одеждах, которые казались нереальными, будто сотканными из утреннего тумана и лунного света.

Его серебристо-платиновые волосы были собраны в безупречный хвост, а лицо... лицо выглядело настолько симметричным, что на него было больно смотреть. В его глазах цвета арктического льда не читалось ни капли насмешки — только бесконечное, стерильное терпение.

— Я — Эльрион, твой куратор, — произнес он, склонив голову в идеальном поклоне. — Добро пожаловать в Утопию. Твой идеальный отдых начинается сейчас.

Я посмотрела на свои грязные кеды, на порванную ручку

сумки, на свои дрожащие пальцы и снова на идеального до бешенства эльфа. Ирония вернулась, но на этот раз она была горькой.

— Знаешь, Эльрион, — сказала я, поднимаясь и чувствуя, как подо мной предательски хрустнул какой-то невероятно красивый цветок. — У меня такое предчувствие, что этот отдых закончится моим нервным срывом. Или твоим. Третьего, увы, не дано.

Эльф лишь слегка улыбнулся, и в этой улыбке было столько непоколебимого оптимизма, что мне впервые в жизни захотелось во что-нибудь выстрелить.

Глава 2

Этикет идеальных катастроф

Эльрион не шел, а скользил над поверхностью изумрудного дерна, словно законы гравитации были для него лишь вежливой рекомендацией, которую он из любезности соблюдал.

Я же плелась следом, чувствуя себя неуклюжим садовым гномом, которого по ошибке выставили в центре античной галереи.

Мои кеды, пережившие не одну битву с городским асфальтом, здесь выглядели как два грязных оскорбления на чистом холсте реальности.

— Могу я поинтересоваться, Марина, — голос Эльриона долетал до меня, не теряя своей мелодичности даже через плечо, — какова природа этого... звука, который сопровождает каждый твой шаг?

Я остановилась и посмотрела на свой левый ботинок. Потрескавшаяся подошва при каждом движении издавала протяжный, жалобный скрип, похожий на предсмертный вздох старой гармошки.

— Это звук реальности, Эльрион, — буркнула я, вытирая

пот со лба. — На Земле вещи имеют свойство изнашиваться. Это называется физика. Слышал о такой?

Эльф обернулся. Его лицо оставалось маской безмятежности, но в глубине ледяных глаз промелькнуло нечто, похожее на искреннее научное любопытство.

Он подошел ближе — слишком близко. Его присутствие ощущалось как легкий ветерок перед грозой: прохладное, электрическое и пугающе чистое.

— В Утопии материя откликается на дух, — произнес он, медленно склоняясь к моей ноге. — Если вещь стонет, значит, она страдает от дисгармонии с владельцем. Позволь мне...

Прежде чем я успела возразить, эльф опустил на одно колено, и его длинные, аристократичные пальцы коснулись грязной шнуровки.

Я инстинктивно дернулась, но его хватка была мягкой и непреклонной. Я замерла, глядя сверху вниз на его идеально ровный пробор. От этого удивительного мужчины пахло можжевельником, и этот аромат навевал ощущение тишины — не той, что бывает в пустой комнате, а той, что царит в лесу за секунду до рассвета.

— Что ты делаешь? — мой голос прозвучал выше, чем мне хотелось бы.

— Настраиваю резонанс, — прошептал он.

Его пальцы скользнули вдоль края подошвы. Там, где он касался обуви, грязь не просто исчезала, она, словно осы-

палась мелким золотистым песком, а рваная резина начала срастаться прямо на глазах.

Это не было похоже на привычный человеку ремонт. Это было похоже на то, как если бы обувь вдруг вспомнила, какой она была в день покупки, и решила к этому вернуться.

— Готово, — он поднялся, ни разу не сбив дыхания. — Теперь твой путь будет беззвучным, как и подобает гостье Элизиума.

Я сделала пробный шаг. Скрип действительно исчез, но вместо него появилось странное ощущение, будто я иду по густому, плотному меду — мягко, уверенно и... совершенно неправильно.

— Спасибо, — выдавила я, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. — Но мне нравилось, как они скрипели. Это напоминало мне, что я всё ещё я, а не часть твоего ландшафтного дизайна.

Эльрион лишь слегка приподнял бровь.

— Индекс твоей тревожности сейчас составляет семьдесят два пункта из ста. Это выше допустимой нормы для первого часа пребывания. Мы должны посетить Сад Омовения, но сначала я покажу место, где можно отдохнуть.

Мы двинулись дальше, пока мир вокруг продолжал издеваться над моим здравым смыслом.

Деревья здесь не росли в хаотичном беспорядке, а образовывали идеальные арки, сквозь которые солнечный свет падал ровными, размеченными полосами.

Птицы не просто щебетали, а выводили сложные гармонические последовательности, от которых в голове начинал кружиться невидимый хоровод.

Моё «жилище» оказалось не зданием, а чем-то вроде огромного живого бутона, вплетенного в склон холма. Стены из переплетенных стеблей мерцали мягким фосфоресцирующим светом.

— Твои апартаменты, Марина, — Эльрион жестом пригласил меня внутрь. — Здесь всё настроено на твои биологические ритмы. Кровать примет форму твоего тела, а свет будет тускнеть синхронно с твоим засыпанием.

Я вошла внутрь и тут же зацепилась плечом за край живой арки. В моем мире я бы просто чертыхнулась и пошла дальше. В Утопии же арка... вздрогнула. Листья на ней мгновенно пожелтели и опали, усыпав пол сухой крошкой.

Эльрион замер. Его идеальный лоб прорезала едва заметная морщинка — первая трещина на мраморе его совершенства.

— Странно, — произнес он, подходя к увядшему растению. — Этого не должно было случиться. Растения Элизима питаются радостью гостей. Твоё прикосновение... оно несет в себе слишком много хаотической статики.

— Я предупреждала, — со вздохом опустилась на кровать, которая тут же начала подозрительно активно шевелиться под моими бедрами, пытаясь подстроиться под форму моих джинсов. — Я не просто гостя, Эльрион. Я — си-

темная ошибка. И если ты не хочешь, чтобы твой гербарий завял окончательно, лучше держись от меня на расстоянии.

Он обернулся, и в полумраке кокона его фигура казалась вырезанной из холодного света. Эльф не выглядел напуганным или оскорбленным. Скорее — заинтригованным.

— Дистанция — это форма отчуждения, — сказал он, и в его голосе прорезалась новая, менее механическая нота. — А моя задача — твоё полное слияние с этим миром. Даже если для этого мне придется научить тебя не разрушать всё, к чему ты прикасаешься.

Он подошел к кровати и протянул руку. Его пальцы зависли в дюйме от моего плеча. Я чувствовала исходящий от него холод, который почему-то казался мне сейчас самой притягательной вещью во вселенной.

— Завтра мы начнем твоё обучение, — прошептал он. — А пока... постарайся не думать о плохом. Твои сны здесь имеют обыкновение становиться реальностью.

— О, — я нервно усмехнулась, закрывая глаза. — Тогда утром тебя ждет большой сюрприз, потому что в моих снах обычно появляются либо гигантские счета за квартиру, либо апокалипсис.

Эльрион ничего не ответил. Я слышала только его ровное, почти неслышное дыхание и шорох опадающих листьев, которые не выдержали моего присутствия.

Глава 3

Завтрак с привкусом катастрофы

Пробуждение в Утопии было похоже на попытку вынырнуть из чана с сахарным сиропом: слишком сладко, липко и совершенно дезориентирующе.

Вместо привычного дребезжания будильника, который обычно звучал как предвестник конца света, меня разбудил деликатный шепот ветра и солнечный луч, настойчиво щекочущий нос.

Хуже всего было то, что луч, казалось, целенаправленно ждал, пока я открою левый глаз, чтобы ослепить меня окончательно.

Я села на кровати, которая за ночь так усердно подстраивалась под мои контуры, что я чувствовала себя деталью гигантского конструктора, впрессованной в пластилин.

— Доброе утро, Марина. Надеюсь, твои ночные кошмары были... продуктивными?

Я едва не свалилась с этого живого ложа. Эльрион стоял у входа, прислонившись к органической стене кокона. На нем был новый камзол — еще белее прежнего, если это вообще было физически возможно.

В руках эльф держал хрустальную чашу, от которой исходил тонкий аромат лаванды и чего-то подозрительно целебного.

— Ты всегда так делаешь? — спросила, пытаясь пригладить волосы, которые после сна напоминали взорвавшийся стог сена. — Стоишь и ждешь, пока объект наблюдения подаст признаки жизни?

— Наблюдение — это залог безопасности, — невозмутимо отозвался он, подходя ближе.

Его шаги по-прежнему были бесшумными, что начинало действовать мне на нервы.

— Твой индекс стресса во сне колебался. В какой-то момент комната начала окрашиваться в багровый цвет, поэтому мне пришлось вмешаться и транслировать тебе хорошие образы на фоне весеннего луга.

— Так это ты виноват в тех бесконечных овечках? — я со стоном закрыла лицо руками. — Я пол ночи пыталась понять, почему на меня прыгает стадо парнокопытных, а это, оказывается, терапия?! Эльрион, на Земле это называется вторжением в личное пространство.

— В Элизиуме нет личного пространства, которое было бы отделено от общего блага, — он протянул мне чашу. — Пей. Это роса утреннего вдохновения. Она поможет тебе принять несовершенство этого дня.

Я скептически заглянула в чашу. Жидкость внутри переливалась всеми цветами радуги и выглядела так, будто её вы-

жали из единорога. Но жажда была сильнее подозрений, и я сделала глоток.

Вкус был божественным. Но стоило мне подумать о том, что жизнь, кажется, налаживается, как моё личное проклятие решило заявить о себе. Мои пальцы, до этого вполне послушные, внезапно стали скользкими. Чаша — произведение искусства, достойное музея — просто выпрыгнула из моих рук.

Время замедлилось. Я видела, как хрусталь летит к полу, как Эльрион делает молниеносное, почти балетное движение, чтобы поймать его... и как в этот самый момент я, пытаясь схватить чашу, случайно бью его локтем под дых.

Раздался глухой звук удара. Затем — звон разбитого стекла. И, наконец, тишина, такая гулкая, что в ушах зазвенело.

Эльрион замер. Его безупречный камзол теперь украшало огромное радужное пятно «росы вдохновения». Хрусталь на полу рассыпался на тысячи мелких искр. Но самым страшным было лицо эльфа. Он не морщился, а просто смотрел на мокрое пятно на своей груди с таким видом, будто увидел трещину на самом мироздании.

— О боже... — я вскочила, лихорадочно озираясь в поисках чего-то, чем можно было бы вытереть этот хаос. — Прости! Я не хотела. Я просто... я же говорила!

Я схватила край какой-то декоративной ткани, свисавшей со стены, и начала неистово тереть его грудь.

— Марина, — его голос прозвучал странно: не холодно,

не зло, а как-то натянуто. — Перестань.

— Нет-нет, сейчас всё исправим, — я продолжала усердствовать, чувствуя под ладонью его твердую, как камень, грудную клетку и слыша, как его дыхание становится более прерывистым.

Он перехватил мои запястья. Его пальцы были прохладными, но хватка — стальной. Мы замерли.

Расстояние между нами сократилось до того критического предела, когда можно разглядеть каждую серебристую ресничку. Пятно на его камзоле медленно впитывалось, окрашивая белую ткань в нежно-сиреневый, и это выглядело интимно до дрожи.

— В нашем мире вещи не ломаются, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза. — Они лишь меняют форму, но ты... Ты не просто меняешь форму, а создаешь трение там, где должна быть гладкость.

— Это называется страсть, Эльрион, — я попыталась высвободить руки, но он не отпускал. — Или просто жизнь. Она пачкается и иногда больно бьет под дых. Тебе стоит привыкнуть.

Он медленно опустил мои руки, но не отстранился а напротив, наклонился чуть ближе, изучая моё лицо с пугающей тщательностью.

— Трение порождает тепло, — произнес, и в его голосе впервые прорезалась нотка искреннего замешательства. — Я чувствую, как температура твоей кожи повышается. Твои

зрачки расширены. Мои сенсоры говорят, что ты в опасности, но твой пульс свидетельствует о... возбуждении.

Я почувствовала, как к щекам приливает жар.

— Твои сенсоры — зануды, — выдохнула я. — А ты слишком много анализируешь.

— Возможно, — он наконец отступил на шаг, и я смогла вдохнуть. — Сегодня мы пойдем к Великому Источнику. Если твоя аура продолжит разрушать окружающую среду, нам придется прибегнуть к более... глубоким методам коррекции.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну в разгромленной комнате. Я посмотрела на свои ладони, которые всё еще помнили холод его запястий, и на желтеющие листья на стенах.

— Ну что ж, Эльрион, — прошептала, пытаюсь унять дрожь в коленях. — Посмотрим, кто из нас кого скорректирует первым.

Глава 4

На краю бездны

Путь к Великому Источнику лежал через Рощу Шепотов — место, где, по заверению Эльриона, даже мысли обретали плотность. Я же шла, стараясь ни о чём не думать, что само по себе было задачей невыполнимой.

Мой внутренний монолог, состоящий преимущественно из саркастических комментариев и желания отыскать в этом райском месте хотя бы один нормальный гамбургер, создавал в окружающем пространстве странные помехи.

— Ты слышишь это? — Эльрион остановился так резко, что я едва не впечаталась носом в его спину.

— Слышу что? Тишину, от которой закладывает уши? — я демонстративно поправила сумку, лямка которой, вопреки всем законам утопического ремонта, снова начала подозрительно истончаться.

— Нет. Твой шум. Он звучит как дребезжание разбитого колокола. Роща реагирует на твой скепсис, Марина. Посмотри на деревья.

Я подняла взгляд. Листья, которые у входа в рощу были нежно-серебристыми, теперь приобретали болезненный

медный оттенок и сворачивались в трубочки, едва я проходила мимо. Кажется, я была первым в истории этого мира ходячим гербицидом.

— Может, мне просто постоять здесь, пока ты сходишь за водой? — предложила, чувствуя себя виноватой перед несчастной флорой. — Зачем тащить источник стресса к Источнику всего сущего?

— Отрицание — не выход, — Эльрион обернулся.

Его лицо в тени гигантских папоротников казалось загадочным, а глаза светились мягким, тревожным светом. — Ты должна научиться резонировать с миром, а не бороться с ним. Подойди ко мне.

Он протянул руку. Это был не приказ, но в его жесте сквозила такая спокойная уверенность, что я, вопреки собственному упрямству, сделала шаг вперед и вложила свою ладонь в его.

Его пальцы были прохладными, как лед в бокале, но в ту секунду, когда мы соприкоснулись, по моей руке пробежал электрический разряд — ощутимый, колючий и совсем не гармоничный.

Эльрион вздрогнул. Его зрачки расширились, поглощая радужку, и на мгновение мне показалось, что я вижу в них отражение собственного хаоса.

— Ты чувствуешь? — прошептала, не отнимая руки. — Это не резонанс, а короткое замыкание.

— Это... необычно, — голос эльфа стал на октаву ни-

же, растеряв свою привычную виолончельную гладкость. — Твоя энергия не течет, она пульсирует и требует выхода.

Мужчина не отпустил мою руку, а напротив, переплел свои пальцы с моими, сокращая дистанцию так, что я почувствовала аромат его кожи — горький, лесной, дурманный.

Мы двинулись дальше, связанные этим странным прикосновением. И, о чудо, деревья перестали вянуть. Они замерли в каком-то выжидательном оцепенении, словно прислушиваясь к тому, что происходит между нами.

Великий Источник оказался не фонтаном и не колодцем. Это было вертикальное озеро, висящее в воздухе между двух скал. Вода в нём не подчинялась гравитации, она медленно вращалась, искрясь миллионами неземных огней.

— Это сердце Элизиума, — Эльрион подвел меня к самому краю мерцающей бездны. — Оно исцеляет любые надломы. Тебе нужно лишь коснуться поверхности и... отпустить себя.

Я посмотрела на эту светящуюся массу. В любом другом случае я бы уже развернулась и убежала, но тепло, исходящее от руки Эльриона, странным образом придавало мне сил.

— А если я его сломаю? — спросила, взглянув на него снизу вверх. — Если твоё сердце Элизиума просто испарится от одного моего прикосновения?

— Тогда, — он медленно поднес мою ладонь к своим губам, едва касаясь кожи дыханием, — мы поймем, что этот

мир был слишком хрупким для тебя. Но я буду рядом.

Это было слишком. Слишком красиво, томно и похоже на сцену из романа, который я бы никогда не купила, но который сейчас проживала каждой клеточкой тела.

Я закрыла глаза и протянула свободную руку к воде.

Едва мои пальцы коснулись прохладной субстанции, мир исчез.

Меня не ударило током, а обдало волной такого неистового, концентрированного чувства, что у меня перехватило дыхание. Это было вовсе не спокойствие, а жажда. Голод. Ожидание. Источник не исцелял меня, как предполагалось, а начал жадно впитывать мой хаос, словно изголодавшееся существо.

Я вскрикнула, теряя равновесие. Скользкие камни под ногами — моё вечное проклятие — наконец-то сделали своё дело. Я полетела вперед, прямиком в сияющую пучину, но падения не случилось.

Эльрион рванул меня на себя с такой силой, что мы оба рухнули на мягкий мох у подножия скал. Я оказалась прижата к нему, в ловушке между его бедрами и руками.

Его частое, прерывистое дыхание обжигало мою щеку. Весь его идеальный вид был безнадежно испорчен: волосы рассыпались по плечам, камзол расстегнут у горла, а в глазах вместо ледяного покоя бушевал настоящий шторм.

— Марина, — выдохнул он, и моё имя на его губах прозвучало как запретное заклинание.

Он не отстранился. Его рука медленно скользнула вверх по моей талии, сминая тонкую ткань платья. Я чувствовала каждый его палец, каждую линию его ладони.

В Утопии наступили сумерки — первые настоящие сумерки за тысячу лет, потому что солнце, кажется, тоже забыло зайти, наблюдая за нами.

— Ты не сломала Источник, — прошептал он, склоняясь к моим губам. — Ты заставила его чувствовать. Так же, как меня.

И в этот момент я поняла: мой отпуск официально закончился. Началось что-то гораздо более опасное.

Глава 5

Ткань искушения

После инцидента у Источника тишина, воцарившаяся в Элизиуме, перестала быть умиротворяющей. Она стала тяжелой, наэлектризованной, как пауза перед раскатом грома.

Мы возвращались в наше живое убежище молча, но это было не то молчание, которое разделяют старые друзья. Это был безмолвный поединок.

Я кожей чувствовала взгляд Эльриона, который он то и дело бросал на меня — уже не как на досадную неисправность, а как на загадку, которую он жаждал разгадать.

Моя одежда после падения на мох превратилась в нечто невообразимое: пятна сока, прорехи и общая помятость делали меня похожей на беженку из очень гламурного ада.

— Твоё облачение... оно больше не исполняет свою функцию, — произнес Эльрион, когда мы переступили порог кокона.

Его голос вернул свою бархатистость, но в нём появилось новое, рокошующее дно.

— Оно просто следует моей натуре, — я попыталась поправить сползающий с плеча рукав футболки, но ткань лишь

жалобно треснула. — В этом мире всё слишком хлипкое для нормального человека.

— Оно не хлипкое, а чувствительное. Твой хаос буквально разъедает структуру нитей.

Он подошел к стене и коснулся одного из сплетающихся стеблей. С тихим шелестом из глубины растения выдвинулся сверток ткани, похожий на застывшую пену морского прибоя — полупрозрачный, дымчато-серый, с едва уловимым отливом индиго.

— Это «Северное Сияние», — тихо сказал он, поворачиваясь ко мне. — Ткань, сотканная из чистой эссенции сумерек. Она не порвется, Марина. Она будет расширяться и сжиматься вместе с твоим дыханием. Но тебе нужна помощь. Она... капризна к первому прикосновению.

Я посмотрела на этот комок тумана в его руках, потом на свои дрожащие пальцы. Идея того, что Эльрион будет помогать мне переодеваться, была здоровой с точки зрения логики и абсолютно самоубийственной с точки зрения моего пульса.

— Я сама справлюсь, — буркнула, протягивая руку.

— Нет. Если ты наденешь её неправильно, она застынет камнем, — он сделал шаг вперед, и я поняла, что отступить некуда: сзади была стена, которая уже начала подозрительно уютно прогибаться под моими лопатками. — Просто доверься мне. Один раз.

Я замерла, задержав дыхание. Эльрион положил ткань на край кровати и медленно, почти торжественно, протянул ру-

ки к моим плечам.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежала волна жара, за которой последовал озноб.

Эльф действовал неторопливо. В его движениях не было ни грамма пошлости, только пугающая, концентрированная сосредоточенность.

Эльрион смотрел на меня так, будто видел впервые — изучал линию шеи, ключицы, родинку над лопаткой. В его ледяных глазах зажегся огонь, который не имел ничего общего с идеальным светом Утопии. Это был земной, первобытный интерес.

— Твоя кожа... она такая горячая, — прошептал он, и его пальцы, словно случайно, скользнули по моей ключице вниз. — В Элизиуме все тела ровные и прохладные. Но ты... ты словно хранишь в себе солнце.

Он взял новую ткань — ту самую «пену» — и накинул её на меня. Она была невесомой, прохладной и действительно словно живой. Но когда пришло время затягивать пояс, его руки оказались на моей талии. Его ладони, широкие и сильные, прижали меня к нему на долю секунды дольше, чем требовала вежливость.

— Эльрион... — выдохнула, чувствуя, как реальность начинает плыть.

— Молчи, — его голос стал низким, почти хриплым. — Я пытаюсь... поймать твой ритм, но ты звучишь так громко, Марина. Твоё сердце... оно сбивает меня с толку.

Он затянул узел на моей талии, и его лицо оказалось в опасной близости от моего. Я видела каждую серебристую чешуйку в его радужке, чувствовала его запах, который теперь смешался с ароматом новой ткани и чем-то острым, мужским.

— Твое невезение, — прошептал он, едва касаясь губами моего уха, — это не ошибка. Это жажда. Ты просто слишком сильно хочешь жить в мире, который привык спать.

Он резко отстранился, словно испугавшись собственной смелости. В этот момент снаружи раздался низкий, вибрирующий звук, похожий на гул огромного колокола. Стены кокона тревожно замерцали красным.

— Служба Гармонии, — Эльрион мгновенно вернул себе маску ледяного спокойствия, но его грудь всё еще тяжело вздымалась. — Твой выброс у Источника не прошел незамеченным. Оставайся здесь. Я поговорю с ними.

Эльф вышел, не оборачиваясь. Я осталась стоять посреди комнаты, закутанная в ткань из сумерек, которая облегала моё тело как вторая кожа.

Мои руки всё еще дрожали, а в голове билась одна-единственная мысль: «Кажется, я только что проиграла этот поединок. И, черт возьми, мне это понравилось».

Глава 6

Протокол искажения

Гул колокола не умолкал, он просачивался сквозь живые стены кокона, заставляя вибрировать сами кости. Это не был звук тревоги в привычном понимании — никакого воя сирен или лязга железа. Это была безупречно чистая, монументальная нота, которая требовала одного: абсолютного подчинения.

Я стояла в центре комнаты, чувствуя, как ткань «Северного Сияния» пульсирует на моей коже, пытаюсь подстроиться под мой чечёточный ритм сердца. Впервые за всё время пребывания здесь мне стало по-настоящему страшно. Одно дело — злить идеального эльфа, и совсем другое — столкнуться с самой системой, которая этот идеал охраняет.

Дверь-мембрана разошлась в стороны. Вместо Эльриона на пороге возникли трое.

Они были похожи на него, но лишены той живой искры, которую я начала замечать в своём кураторе. Одетые в тяжёлые, словно отлитые из ртути плащи, они не шли, а перемещались с пугающей синхронностью. Их лица напоминали маски, застывшие в выражении вежливого безразличия.

Служба Гармонии.

— Объект 402, Марина, — произнес тот, что стоял в центре. Его голос был лишен обертонов, плоский и сухой, как шуршание песка. — Твой индекс присутствия вызвал критический резонанс в Великом Источнике. Ты признана источником энтропийного шума.

— Я просто хотела пить, — выдавила я, пытаюсь вернуть себе хотя бы тень привычной иронии, но голос предательски дрогнул. — У вас там очень скользкие камни. Может, стоит подать жалобу в отдел охраны труда?

Трое синхронно склонили головы набок.

— Понятие «жалоба» отсутствует в регистре Элизиума, — ответил центровой. — Существует лишь коррекция. Твой куратор, Эльрион Феличитас, предоставил отчет, в котором утверждает, что всплеск был вызван неисправностью твоего биологического скафандра. Мы здесь, чтобы проверить достоверность этих слов.

Я замерла. Эльрион солгал? Безупречный, честный до тошноты эльф подставил себя под удар, чтобы выгородить мою неловкость?

В этот момент за их спинами появился он. Эльрион выглядел так, будто только что прошел сквозь ледяной шторм. Его серебристые волосы были слегка растрепаны, а взгляд метал молнии, хотя он изо всех сил старался сохранять лицо.

— Я уже сообщил Совету, — голос Эльриона ворвался в комнату, как порыв свежего ветра. Он прошел мимо стражей

и встал между ними и мной. — Процесс адаптации Страницы проходит в рамках допустимой погрешности. Её хаос — это лишь внешняя оболочка.

— Твой отчет противоречит показаниям Источника, Эльрион, — бесстрастно заметил страж. — Вода закипела. Это не оболочка. Это ядро.

Страж сделал шаг ко мне, протягивая руку в ртутной перчатке. Я видела, как на кончиках его пальцев собирается бледное свечение — сканер, который вывернет мою душу наизнанку. Я инстинктивно отшатнулась, и тут моё верное невезение снова взяло штурвал.

Пытаясь отступить, я запуталась в подоле своего нового, слишком умного платья. Ткань, решив, что мне нужна опора, резко сжалась на щиколотках, и я, потеряв равновесие, рухнула не назад, а вперед. Прямо на Эльриона.

Мир снова сошел с ума.

Я врезалась в него, мои руки в поисках опоры вцепились в его плечи, а лоб с глухим стуком встретился с его подбородком. Послышался отчетливый лязг зубов. От удара Эльрион покачнулся, и мы оба, сплетясь в какой-то нелепой борьбе, завалились на ту самую кровать, которая тут же радостно начала нас «обнимать».

Стражи замерли. В их программе явно не было протокола на случай, если куратор и объект превратятся в барахтающийся комок конечностей на живом матрасе.

— Видите? — прохрипел Эльрион, пытаясь удержать ме-

ня и одновременно не дать кровати поглотить нас окончательно. — Неисправность... координации. Моторная... диссонанса.

Его лицо было в дюймах от моего. Он тяжело дышал, и я видела, как на его шее пульсирует жилка. В глазах стражей я прочитала нечто похожее на системный сбой.

— Такое поведение... нерационально, — произнес центральной страж после долгой паузы. — Мы проведем углубленный мониторинг. Эльрион, ты несешь личную ответственность за сохранение тишины вокруг этого объекта. Если резонанс повторится, коррекции подвергнутся оба.

Они развернулись и исчезли так же внезапно, как и появились. Гул колокола затих, оставив после себя звенящую, липкую тишину.

Я лежала на Эльрионе, чувствуя, как его сердце колотится под моими ладонями — быстро, рвано, совсем не по-эльфийски. Его руки всё еще сжимали мою талию, и он не спешил меня отпускать.

— Ты солгал им, — прошептала я, глядя в его арктические глаза, в которых сейчас плавился лед.

— Я скорректировал истину, — выдохнул он, и его голос был похож на шелест опавшей листвы. — Потому что если бы они увидели то, что видел я в Источнике... тебя бы стерли, Марина. А я... я не готов к тишине, в которой не будет твоего шума.

Он медленно притянул меня ближе, и на этот раз это

не было случайностью или ошибкой координации. Его губы коснулись моего лба в том месте, где расцветала шишка от удара. Это был жест такой нежности и такой безнадежности, что у меня перехватило дыхание.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказал он, отстраняясь, но не выпуская моих рук. — Завтра будет Праздник Цветов. Весь город будет на виду. Если ты сорвешься там... я не смогу тебя защитить.

Я посмотрела на свои дрожащие пальцы в его ладонях.

— Знаешь, Эльрион, — тихо сказала я. — Похоже, твой отпуск в Утопии официально превратился в операцию по спасению катастрофы. Ты уверен, что это того стоит?

Он долго молчал, изучая линии на моей ладони, словно читал по ней карту моей жизни.

— Я никогда не чувствовал себя таким живым, как когда ты разбила ту чашу, — ответил он. — И это пугает меня больше, чем вся Служба Гармонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.